

Д.Д. Эрдынеева

Бурятский государственный университет

**К ВОПРОСУ ОБ АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ
АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБМАНА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**

Аксиология или теория ценностей – «философское учение о природе ценностей, их месте в реальности и о структуре ценностного мира, то есть о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности» [8, с. 731].

Аксиология – это определенным образом организованная совокупность знаний о способах оценки ситуации и их частей, которая лежит в основе выбора тех или иных практических действий. По мнению А.В. Кунина, «оценка – это объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно» [5, с. 181]. В.Н. Телия определяет оценку как «мнение о ценности» [6, с. 110].

Согласно взглядам английского лингвиста Р.М. Хеара, объект может характеризоваться с помощью оценки и с помощью дескриптивных высказываний [7]. Цель описания – сделать так, чтобы слова соответствовали миру, цель оценки – сделать так, чтобы мир соответствовал словам [4]. Многие отечественные лингвисты обращались к проблеме оценки [3; 2; 1]. У оценки предикативная природа, она обычно связывается с аксиологическими предикатами «хорошо»/«плохо».

Основываясь на теории Р.М. Хеара, А.Н. Баранов также различает дескрипцию и оценку. В классификации А.Н. Баранова между дескриптивной и общей оценкой лежит ряд промежуточных уровней, которые характеризуются постепенным убыванием дескриптивности [2].

Для выявления аксиологического потенциала английских идиом со значением обмана в художественном дискурсе рассмотрим эпизод из произведения А. Кристи «Why didn't they ask Evans?». Так, происходит диалог двух молодых людей Бобби и Фрэнки, занимающихся сыском. Герои задаются вопросами, ответы на которые помогают им обнаружить настоящего преступника. Иначе говоря, в ходе разговора детективы выявляют причинно-следственные связи, верифицируя обман преступника Лжениколсона:

«My God!» cried Bobby.

«What is it?»

«Frankie, that wasn't Nicholson who came here just now!»

«Have you gone quite mad? Who was it then?»

«I don't know – but it wasn't Nicholson. All along I felt there was something wrong – but couldn't spot it, and your saying «ears» has given me the clue. When I was watching Nicholson the other evening through the window I specially noticed his ears – the lobes are joined to his face. But this man tonight – his ears weren't like that.»

«But what does it mean?» Frankie asked hopelessly.

«This is a very clever actor impersonating Nicholson.»

«But why – and who could it be?»

«Bassington-ffrench,» breathed Bobby. «Roger Bassington-ffrench. We spotted the right man at the beginning and then – like idiots, we went astray red herrings.»

«Bassington-ffrench?» whispered Frankie. «Bobby, you are right. It must be. He was the only person there when I taunted Nicholson about accidents.»

«Then it really is all up,» said Bobby. «I've still had a kind of sneaking hope that possibly Roger Bassington-ffrench might nose out trial by some miracle. But now the last hope's gone. Moira's a prisoner; you and I are tired hand and foot. Nobody else has the least idea where we are. The game's up, Frankie» [9, с. 134–135].

Контекст ситуации максимально приближен к охоте, поскольку речь идет о криминальном расследовании. Интенциональность участников почти по букве охотничья: отыскать добычу vs. уйти от охотника. Интенциональный горизонт героев, Фрэнсис Дервент и Бобби Джонс, определяемый в описываемом эпизоде интенциональным состоянием отчаяния (Frankie asked hopelessly; The game's up, Frankie), с необходимостью задает намерение совершить определенный речевой акт, объясняющий факт попадания в западню, на которую рефлексировуют участники диалога.

Так, вначале Бобби инициирует умозаключение, своего рода, эвристический тезис о том, что преступник на самом деле не является доктором Николсоном: «Frankie, that wasn't Nicholson who came here just now!». Затем герой последовательно излагает свои соображения, которые основываются на интерпретации прошлого знания. В основе его решающего довода выступает следующий аргумент: «the lobes are joined to his face. But this man tonight – his ears weren't like that». Герой совершает речевые акты-дескриптивы, где «слова оказываются приспособленными к миру». Степень уверенности персонажа в высказанном предположении возрастает по мере того, как разворачивается диалог. Можно сказать, что окончательная уверенность героя достигается благодаря ответной реплике согласия героини, резюмирующей окончательный вывод: «Bobby, you are right. It must be. He was the only person there

when I taunted Nicholson about accidents». Тем самым у Бобби повышается степень приверженности истине того, что утверждается пропозицией <Этот человек не Николсон>.

В ходе диалога открывается ниша для соответствующей идиомы со значением обмана: *draw a red herring across the path* – «сбить кого-л. со следа, ввести в заблуждение» на фоне попадания в западню. В рамках аргументации, очевидно, что иллюкутивная цель речевого акта, частью которого является идиома *go astray red herrings*, – ассертив. Фразеологическая единица отражает жанровую доминанту произведения – детектив, поэтому ее появление оправдано.

Как известно, для прагматического подхода к языковым явлениям релевантным остается мнение говорящего/интерпретатора: в каких условиях осуществляется это сообщение и т. п. [6]. Молодые детективы, будучи в неволе, путем умозаключений разоблачают обманщика Лжениколсона. По мнению героев, преступник обманул детективов так, «как если бы преследуемый бросил селедку, чтобы сбить преследующих со своего следа посредством ложного запаха». Здесь, по-видимому, включается в действие модус фиктивности «как если бы» по В.Н. Телия [6], причем образ селедки воздействует даже на органы обоняния читателей/наблюдателей. Прагматическая функция идиомы заключена в иллюкутивной силе идиомы, которая хорошо просматривается в процедурной записи знания: «знай, что X обманул, считай, что это «плохо», вообрази, что X сбил со следа, испытай «чувство-отношение» неодобрения».

Представляется, что данная идиома, будучи воспроизводимой фразеологической единицей, используется в тексте по аксиологическому «следу» прототипической ситуации, тая в себе свернутую иллюкуцию. Иначе говоря, в тексте используется, скорее всего, аксиологический ресурс идиомы, то есть усвоенная, закреплённая схема связи интенционального состояния с его вербальным выражением. Идиома *draw a red herring across the path*, трансформированная в дискурсе как *go astray red herrings* – «идти по ложному следу, быть сбитым со следа» манифестирует ее высокую знаковую ценность.

В данном фрагменте дискурса уместно развернуть прототипический сценарий ситуации обмана, где обманывающий и обманываемые – это, соответственно, преследуемый преступник и преследующие его охотники. Опытный преступник гораздо опытнее (This is a very clever actor impersonating Nicholson), чем его молодые преследователи (like idiots). На тропе преследования убегающий протаскивает копченную селедку по собственному следу, тем самым, сбивая свой запах. При этом выясняется, что один из преследователей почувствовал что-то не-

ладное (All along I felt there was something wrong – but couldn't spot it), однако не смог верифицировать обман. Идиома репрезентирует развязку непрототипического сценария I (попытка обманывающего S1 потерпела фиаско, так как обманываемый S2 верифицировал обман S1. Идиомы этого типа обнаруживают перлокутивный эффект).

Как представляется, тема запаха является фокусной в дискурсе. В частности, на это указывает глагол «nose out» – «пронюхать, чують». Можно отметить также, что в ходе диалога героями часто употребляются глаголы перцепции (felt; was watching; noticed; nose out). Видимо, их употребление предопределено той ролью (детективов), на которую претендуют молодые люди. Очевидно то, что для профессиональной речи как охотников, равно как и детективов характерно употребление подобной лексики.

Идиома воспроизводится в тексте как наиболее адекватное средство для описания ситуации обмана, эксплицируя при этом негативную оценку, поскольку для обыденного сознания быть обманутым – это «плохо», поэтому идиома маркирована отрицательно (таким образом, определяется общая оценка). Фразеологическая единица, помимо общей оценки, реализует также гомеостатическую оценку (и результат достигнут: герои обмануты) как отражение перлокутивного эффекта. Мы вправе говорить о том, что вышеозначенная идиома реализует свой аксиологический ресурс в оценочной стратегии Г-оценка → О-оценка [2].

Примечателен тот факт, что обман ассоциируется не только с охотой, но и с театральной игрой: «This is a very clever actor impersonating Nicholson». По-видимому, это связано с тем, что обман осуществлялся посредством имитации поведения настоящего Николсона, благодаря талантливой игре преступника.

Итак, анализ дискурса показал, что иногда английские идиомы со значением обмана, будучи воспроизводимыми фразеологическими единицами, могут использоваться в художественном дискурсе по аксиологическому «следу» прототипической ситуации, тая в себе свернутую иллюзию. Иначе говоря, в тексте используется, скорее всего, аксиологический ресурс идиомы, то есть усвоенная, закреплённая схема связи интенционального состояния с его вербальным выражением.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 74–90.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

4. Ивин А.А. Теория аргументации. – М.: Гардарики, 2000. – 416 с.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для ин-тов и фак-тов иностр. яз. – Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
6. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
7. Херп Р.Н. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 16. – С. 183–195.
8. ФЭС Философский энциклопедический словарь / под. ред. Л.Ф. Ильичева. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
9. Christie 3 Christie A. Why didn't they ask Evans? – М.: Высшая школа, 1991. – 175 p.

Е.Ю. Юрченкова, Н.В. Полякова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томский государственный педагогический университет*

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ НОМИНАЦИИ РАСТЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ НОМИНАЦИИ ПО ВРЕМЕНИ ПРОИЗРАСТАНИЯ)⁴

Целью настоящего исследования является сопоставление механизмов реализации когнитивной стратегии номинации (КСН) растений по времени их произрастания в русском и немецком языках. В качестве материала привлекаются русские и немецкие диалектные отзоонимные фитонимы (наименования растений, образованные от наименований животных).

Если под когнитивной стратегией понимаются «закономерности выбора способов решения задач познания для достижения определённых целей» [7, с. 63], то КСН можно определить как мыслительную операцию по выявлению признака объекта, наиболее релевантного в ситуации именованного, иначе, когнитивного признака (КП) объекта [6, с. 16–17; 14, S. 246], и выбору подходящих средств языковой репрезентации КП. Механизм реализации КСН напрямую зависит от прагматических факторов, воздействующих на сознание именуемого субъекта в момент номинации, а также от объёма и характера его концептуальных и языковых знаний [5, с. 38]. Целью реализации КСН является создание коммуникативно необходимой языковой единицы [10, с. 52]; применительно к номинации объектов растительного мира – создание наименования растения или фитонима.

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-34-01226 а2 «Этнокультурная специфика образов пространства и времени в языковом сознании представителей селькупского, хантыйского, чулымско-тюркского и русского этносов в условиях контактного взаимодействия».